

старцем: «...как то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще плоем, берегу не видеть, грести надобе прилежно... Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит» (204).

Аввакум перерабатывал и совершенствовал свое «Житие» от редакции к редакции.⁴⁵ В ходе этой работы он испытал и некоторое влияние творчества Епифания. При описании пустозерской казни Епифания в первой редакции «Жития» Аввакум только упомянул о том, что после молитвы старца к богородице «показаны ему оба языка, московской и здешней; он же един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно» (63—64). Во второй редакции добавлено, что это язык «третьей уже от рода ево вырос. На Москве у него резали с Лазарем... вместе» (131). В третьей редакции дается уже развернутая картина казни, осложненная новыми элементами: старец молил «Пилата» (Ивана Елагина) отсечь ему голову, но тот отказался и велел «язык вырезать». Старец «рече, на небо взирая: „Господи, не остави ми грешнаго, помози ми!“ И в то время божиим промыслом прииде на него некое забвение, яко сон, и не почув резания языка своего, только в мале некак ощутил, яко во сне, резание языка своего» (212—213). Изображение этого внутреннего состояния Епифания, отсутствующее в описаниях пустозерских казней,⁴⁶ находим только во второй части его «Жития», причем в очень сходных выражениях: «Аз же грешный... зря на небо, рекох сице: „Господи помози!“... Наиде бо на мя тогда, яко сон, и не слышал, как палачь язык мой вырезал, толко в мале, в мале ощутил, яко во сне, что палачь ми отрезал язык» (251).

Это сопоставление показывает, что первоначально Аввакум использовал при описании казни Епифания только общую схему «чуда» о языках. Но, работая над третьей редакцией «Жития», он воспользовался уже развитой самим Епифанием легендой о его казни. К этому времени Епифаний либо устно сообщил Аввакуму об особой благодати, облегчившей его страдания во время казни, либо уже сам записал эту картину (составляя вторую часть своей биографии) и ознакомил с нею своего друга.

Если «Житие» Аввакума мотивировалось «понужением» Епифания, то и «Житие» старца мотивируется «повелением» протопопа. Сам Аввакум пишет: «повелеваю ти, напиши и ты» (81). И в соответствии с этим Епифаний начинает свое «Житие» так: «Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святаго твоего благословения, отче святыи... не отрекуся сказать вам...» (229). «Житие» Епифания (редакция Б, первая часть) было написано сразу вслед за тем, как Аввакум закончил первую редакцию своего «Жития».⁴⁷ Однако и во второй и в третьей его редакциях Аввакум сохраняет теперь уже исполненное и, казалось бы, больше не нужное «повеление» старцу, чтобы и он описал свою жизнь. Это говорит о том, что оба жития осознавались их авторами как произведения, обуславливающие друг друга, внутренне связанные и внешне обрамленные как бы живой переключкой двух писателей. В таком духовном и дружеском единении хотели предстать оба писателя в созданной ими яркой легенде перед лицом «верных» и после своей смерти, теперь уже, как им казалось, недалекой. «Пускай раб-от Христов веселится, чтучи!», — писал Аввакум, имея в виду свое «Житие» и «Житие» Епифания. — Как умрем, так он почтет, да и помянет пред богом нас» (82).

⁴⁵ См. P. Pascal, стр. 486—488.

⁴⁶ См.: РИБ, т. 39, стлб. 716 и 718

⁴⁷ См.: РИБ, т. 39, стр. XI.